

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 535-543
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.535

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mongolian Military-Political Factor in the History of Buddhism in Tibet

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valeriy N. Badmaev ^a, Arya A. Andreeva ^a

^a Kalmyk State University, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of the Mongolian military-political factor in the history of Buddhism in Tibet. Mongolian folk roles played an exceptional role in the history of Tibetan Buddhism, providing military patronage to one or another school, and influencing the role of military forces in intra-religious conflicts in Tibet. During the period of the Mongol Empire, the Mongols turned out to be a military-political cover of the Sakya school, which was carried out to establish its domination meetings in Tibet. From the end of the 16th century an alliance of the Mongols and Oirats with the Gelug school begins to form. Thanks to the military and political support of the Oirats in the middle of the 17th century, political power in Tibet was taken over by the Gelug, which set about establishing a theocracy here. At the same time, the data on infection among those affected by Tibetan schools pursued not so much religious as religious goals and in this sense cause conflicts between Catholic orders for political influence. In the following period, the Oirats continued to actively participate in the political life of Tibet. During the emergence of Galdan Boshoktu Khan, a plan arose for many states of the Oirats and Mongols under the spiritual patronage of the Dalai Lama, which, however, was not implemented in the power of influence. In general, it can be noted that the military-political factor had a significant impact on the religious history of Tibet.

Keywords: Buddhism, military history, Mongolian peoples, Mongols, Oirats, Mongolia, Tibet, Tibetan Buddhism, Gelug.

1. Введение

В современном мире, несмотря на то, что глобализация бросает вызов традиционным обществам и культурам, меняя этнокультурный ландшафт, религия продолжает играть значительную роль. Религиозная идентичность не только сохраняется, но в ряде случаев даже выходит на первый план, что получило название «Реванш Бога» (Kepel, 1994). Известный американский ученый С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» (Хантингтон, 2003) даже попытался рассмотреть все основные международные конфликты через цивилизационно-религиозную призму. Таким образом, происходит усиление роли религии как одного из ключевых факторов геополитики и международных отношений. В связи с этим вполне обоснованным является интерес к роли военно-политического фактора в истории религии.

Так, изучение истории буддизма у монгольских народов и их взаимоотношений с Тибетом способствует лучшему пониманию религии, культуры и менталитета тюрко-монгольских этносов России, традиционно исповедующих тибетскую традицию буддизма. Особенно важно это для современных калмыков, предки которых – ойраты – сыграли значительную роль в установлении гегемонии буддийской школы Гелуг в Монголии и Тибете и формировании тибетской теократии.

Цель настоящей статьи – рассмотреть роль монгольского военно-политического фактора в истории тибетского буддизма.

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmav07@yandex.ru (V.N. Badmaev), lovely-arya@mail.ru (A.A. Andreeva)

2. Материалы и методы

В работе были использованы источники по истории Тибета, Кукунора и Монголии, в частности работа ойратского историка Сумба-Хамбо «Пагсам-джонсан» ([Пагсам-джонсан, 1991](#)), летопись «Дэбтэр-чжамцо» тибетского ученого Брагтон-Шабдун-Гончок-Дамба-Рабчжая («Дэбтэр-чжамцо», [1983](#)), «Синяя летопись» тибетского историка Шоннупэл Гой-лоцавы ([Шоннупэл, 2001](#)), а также анонимное ойратское историческое сочинение «История Хо-Öрлөка» («История Хо-Öрлөка», [2016](#)).

В процессе работы применялись как известные общенаучные методы (синтез, логический анализ, сравнительный, нарративный и т.д.), так и специфические для исторической науки методы исследования (историко-генетический, историко-системный и конкретно-исторический).

Нарративный метод позволил подробно описать роль монгольского военно-политического фактора в истории тибетского буддизма. В силу сложности и многогранности данной проблемы были также использованы междисциплинарный и системный подходы. Историко-генетический и конкретно-исторический методы позволили выявить историческую обусловленность, рассмотреть генезис и основные исторические этапы тибето-монгольских религиозных отношений в рассматриваемый хронологический период.

Использование вышеперечисленных методов и подходов в ходе данного исследования способствовало более подробному раскрытию роли монгольского военно-политического фактора в истории взаимоотношений школ тибетского буддизма и установлении гегемонии буддийской традиции Гелуг в Монголии и Тибете.

3. Обсуждение

Из работ, касающихся вопроса участия монголов и ойратов в религиозной истории Тибета, можно назвать исследования Э.П. Бакаевой ([Бакаева, 2016](#)), Е.Л. Беспрозванных ([Беспрозванных, 2001](#)), И.Я. Златкина ([Златкин, 1983](#)), Б.У. Китинова ([Китинов, 2004](#); [Китинов, 2013](#)), В.П. Санчирова ([Санчиров, 1977](#)) и др. Можно также отметить фундаментальный труд Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко «История Тибета с древнейших времен до наших дней» ([Кычанова, Мельниченко, 2005](#)), в котором центральное место занимает история взаимоотношения тибетских иерархов с ойратами.

Интерес к данной проблематике можно обнаружить и в работах некоторых зарубежных исследователей. Значительный интерес представляет сборник статей «Азиатское влияние на военную историю Тибета XVII–XX веков», в котором рассмотрены такие темы, как военные учреждения Тибета в указанный период, участие монгольских и тибетских армий в военных действиях в XVII в., джунгарское завоевание Центрального Тибета и его влияние на тибетские военные институты в XVIII в. и т.д. ([Asian Influences, 2020](#)). Большой массив материалов по данной проблеме содержится в работе тибетского автора Цэпона Шакабпа «Тибет. Политическая история» ([Шакабпа, 2003](#)).

Одним из дискуссионных вопросов данной темы является проблема влияния буддизма на монголов, рассматривавшаяся еще дореволюционными авторами, часть которых видела в широком распространении буддизма в Монголии одну из основных причин упадка военной мощи некогда воинственных кочевников, в результате чего страна была завоевана и подчинена маньчжурскому Китаю. Такое мнение, в частности, мы находим в труде П.А. Бобрик «Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта». Автор, рассматривая влияние буддизма на монгольское общество, отмечает, что «в ...быстром упадке могущества монголов сыграл большую роль буддизм, проникший в Монголию во второй половине XVII столетия» ([Бобрик, 1914: 26](#)).

В советской историографии также было распространено мнение о том, что буддизм, попав в Монголию, «в сильнейшей степени способствовал укрощению некогда могущественных и строптивых кочевников» ([Пурбуева, 1984: 22](#)). Схожей точки зрения придерживается и современный исследователь монгольского буддизма Л.Н. Крайнова, которая отмечает, что «буддизм явился сильнейшим орудием в укрощении и завоевании монголов и подчинении цинским властям» ([Крайнова, 2013: 97](#)).

В то же время другой современный автор Б.У. Китинов в статье «Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов)» ([Китинов, 2013](#)) рассматривает военную историю ойратов в сопряжении с идеологией и религией буддизма. Воинственность ойратов и калмыков, по его мнению, «не противоречила буддийским установлениям; религия влияла на подготовку и ведение войн, даровала уверенность в непобедимости и т. д.» ([Китинов, 2013: 45](#)).

4. Результаты

Союз Монгольской империи и школы Сакья

Значительную роль в истории тибетского буддизма играли монгольские народы, которые покровительствовали той или иной школе и нередко выступали в качестве военной силы в религиозно-политических конфликтах. В 1240 г. внук Чингисхана царевич Годан (1206–1251) начал вторжение в Тибет, в результате чего пострадали множество монахов и ряд буддийских монастырей ([Пагсам-джонсан, 1991: 35](#)). Однако дальнейшее продвижение монголов в глубь Тибета было остановлено. Согласно «Синей Летописи», настоятель монастыря Дрикунг путем демонстрации

магических сил остановил попытки монгольских войск разрушить монастырь. Здесь, в частности, отмечается, что монгольский командующий Мэлик (Миличи) был так поражен святостью и магическими способностями данного ламы, что, «не нанеся вреда ни людям, ни животным, монгольские войска ушли» (Шоннупел, 2001: 312). Новый командующий монгольскими войсками Дорта также был потрясен мистическими способностями тибетских лам, в результате чего «этот злой человек приумолк, и войска его тоже утихомирились и стали даже спокойней, чем караван торговцев» (Шоннупел, 2001: 312).

Вероятно, в результате этого инцидента у монгольского правителя Годана зародился интерес к буддийской религии. Согласно официальной версии он стал искать авторитетного буддийского мастера, который мог бы донести до него всю глубину буддийского учения. Выбор царевича пал на ламу Кунга Гьялцен (1182–1251), которого также звали Сакья Пандита из-за его знания санскрита и буддийской философии. Годан отправил ламе письмо и подарки, прося его присутствия при дворе.

Кунга Гьялцен принял приглашение Годана и, покинув свой монастырь, направился в Восточный Китай, где располагался военный лагерь монголов. В 1247 г. он прибыл в лагерь Годана. Согласно тибетским источникам, Сакья Пандита встретился с принцем в Ланьчжоу, столице провинции Ганьсу, завоеванной к тому времени монголами. Известно, что Сакья Пандита обучал Годана буддийскому учению и даже убедил его прекратить истребление китайского населения. Данная жестокая практика проводилась монголами для того, чтобы сократить численность китайцев и предотвратить возможные восстания. Сакья Пандита убедил Годана, что это противоречит буддийской доктрине и, согласно закону кармы, приведет к негативным последствиям для самих же монголов. Сакья Пандита оставался при дворе Годана в течение нескольких лет, во время которых он дал множество религиозных наставлений принцу и его окружению. Кроме того, Кунга Гьялцен написал для тибетцев труд «Тубнэ Гонсэл» («Замысел Будды»), в котором он рекомендовал жителям Тибета находиться в мирных и дружеских отношениях с монголами (Бобров, Худяков, 2006: 191).

Традиция сотрудничества между буддийским Тибетом и воинственными монголами была продолжена и получила дальнейшее развитие при хане Хубилае (1215–1294), который вслед за Годаном всячески покровительствовал школе Сакья. В 1253 г. Хубилай пригласил молодого сакьяпинского ламу Пагбу (1235/1239–1289) к своему двору и был очень впечатлен ученостью монаха, проявленной в его умных ответах на ряд трудных вопросов. Затем Хубилай попросил у ламы религиозных наставлений. Согласно традиции, Пхагпа-лама трижды давал посвящения и учения Хубилаю и двадцати пяти его министрам. Первое посвящение принесло ему духовную и светскую власть над тринадцатью княжествами Центрального Тибета. После второго посвящения ему вручили реликвию Будды и наделили верховной властью над тремя регионами Тибета. После третьего посвящения и учений в 1260 г. Пагба-лама получил титул «императорского наставника» (Шакабпа, 2003: 78).

В 1265 г. Пагба-лама вернулся в Тибет и ввел там централизованную систему управления. Благодаря покровительству и военной поддержке монголов Пагба-лама объединил Тибет под одним правительством и упорядочил управление (Шакабпа, 2003: 80). В 1268 г. по приглашению Хубилай-хана Пагба-лама вернулся к императорскому двору и представил хану новую письменность, которую он разработал для монгольского языка. Хубилай был доволен, и новая система письма была введена в официальное употребление. Пагба-лама снова был удостоен чести хана, даровавшего ему различные почетные титулы (Шакабпа, 2003: 82).

Гегемония Сакья над Тибетом продолжалась до середины XIV века. В конце XIII столетия ей бросила вызов школа Дрикунг Кагью. Восстание началось в 1285 г. и было подавлено в 1290 г., когда Сакья и восточные монголы сожгли монастырь Дрикунг. В летописи Пагсам-джонсан отмечается, что «в год дерева курицы (1285 г.) войска Бригонбы (Дрикунг – прим. авт.) сожгли монастырь Джа-юл, убили Цзантона, после чего снова Бригонба привела войска верхних монголов против Сакьяпы, но войска Тимур-Бхокхайя, сына Сэчэн /-хана/, и цзанская армия сакьяского Анлэна победили их» (Пагсам-джонсан, 1991: 40). По мнению М. Квантена, в восстании принимали участие ойраты Восточного Туркестана и Джунгарии, ориентированные на школу Дрикунг Кагью (Kwanten, 1972: 131). Б.У. Китинов отмечает, что участие ойратов в восстании Дрикунг было обусловлено стремлением ослабить династию Юань, ориентированную на Сакья (Китинов, 2004: 79). Доминирование в Тибете школы Сакья закончилось в 1358 г., когда Центральный Тибет стала контролировать школа Карма Кагью. Таким образом, можно отметить роль военно-политического союза тибетских буддийских школ с монголами и ойратами.

Роль монгольских и ойратских войск в возвышении школы Гелуг

В конце XVI века в Тибете начинается возвышение школы Гелуг, которую стали активно поддерживать монголы и ойраты. В 1577–1578 гг. буддизм традиции Гелуг официально принял монгольский Алтан-хан (1507–1581). Это произошло после его встречи с Сонамом Гьяцо (1543–1588), настоятелем крупнейшего гелугинского монастыря Дрепунга. Согласно «Дэбтэр-чжамцо», в воинственном монгольском правителе неожиданно «возгорелась неугасимая вера и (он) специально направил «золотое письмо» с приглашением и Далай-ламе (с просьбой) пожаловать (к ним) в северную сторону» («Дэбтэр-чжамцо» 1983: 55). В результате Сономом Гьяцо также получил от

Алтан-хана титул Далай-ламы. В это же время в Монголии появился Закон Хутуктай-Сэчена (1577 или 1578 г.), в котором отражено влияние буддизма на монголов. Данный закон, носящий официальное название «Арбан буяны цааз» («Закон, обладающий десятью добродетелями»), был объявлен на встрече Далай-ламы III с князьями Южной Монголии (Ulanov et al., 2016: 1070). Так, п. 9 закона содержит запрет грабежей населения Китая, Тибета и Монголии (Закон Хутуктай-Сэчена, 2003: 40). В хронике «Дэбтэр-чжамцо» указывается, что Хутуктай-Сэчена решил «запретить грабить и покорять китайцев, тибетцев и другие (народы)» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 56).

Заключение союза с монголами стало важным успехом для школы Гелуг. Однако светское правительство Тибета рассматривало это событие как политико-религиозный союз между школой Гелуг и иностранной державой. В 1589 г. иерархи Гелуг признали ребенка, родившегося в том же году в монгольской семье, реинкарнацией Далай-ламы. После того как ребенок официально стал настоятелем Дрепунга, религиозные и политические связи между монголами и школой Гелуг еще более усилились (Шакабпа, 2003: 109).

В начале XVII века в Тибете между школами Гелуг и Карма-кагью началась борьба за политическую власть в стране. Провинцию У контролировали сторонники Гелуг, провинцию Цзанг – последователи Карма-кагью (Шакабпа, 2003: 111).

В 1618 г. монголы и иерархи Гелуг объединились. В результате объединенные монгольские и ойратские войска при поддержке монашеских дружин Гелуг вошли в Лхасу. В «Дэбтэр-чжамцо» отмечается, что монголо-ойратские «войска под руководством Дайчина вклинились в войска Цзана и уничтожили их». Однако позже тибетские войска «Цзана захватили (монастыри) Сэра и Брайбун» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 58). Боевые действия продолжались с перерывами до 1621 г. и привели к тому, что в Центральном Тибете появилось большое количество ойратов и монголов, выступавших на стороне Гелуг. В 1621 г. недалеко от Лхасы началась битва, в ходе которой войска цзой хор-сог (монголов и ойратов) численностью более чем две тысячи воинов начали сражение с основными войсками в Жантан-гане Лхасы... Тибетские войска, потерпев поражение, укрылись в крепости Железная гора» («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 58-59). Штурм крепости мог привести к большим потерям с обеих сторон, но был предотвращен благодаря вмешательству гелугпинского ламы Панчена Лобзанга Чогьена (1567–1662), настоятеля монастыря Ташилунпо.

Ойраты и установление теократии в Тибете

В 1630-е годы вновь началась борьба за политическое господство в Тибете между представителями школы Гелуг во главе с Далай-ламой V (1617–1682) и сторонниками традиции Карма Кагью. Чаша весов в борьбе за власть в Тибете между желтошапочниками и красношапочниками склонялась на сторону последних. Их же поддержал и пришедший из Халхи монгольский князь Цогто-гайджи (1580–1637). В этой обстановке тибетцы, поддерживавшие Далай-ламу, обратились за помощью к ойратам. Просьба была удовлетворена, и в район Кукунора двинулись ойраты-хошуты князя Турубайху, известного в истории как Гуши-хан (ок. 1580 – ок. 1660) (Кычанов, Мельниченко, 2005: 113-114).

Армия Гуши-хана двинулась в Тибет под флагом защиты «желтой» веры и была усилена отрядами других ойратских улусов. Кроме собственно хошут, в походе Гуши-хана на Тибет участвовали торгоуты, олэты (джунгары), хойты и дербеты. В числе участников похода, согласно «Истории Хо-Урлюка», был и ойрат-калмыцкий правитель, предводитель дербетов Далай-гайша (История Хо-Öрлөка, 2016: 33).

Весной 1637 г. возле горы Кровавая произошло сражение, завершившееся уничтожением войск Цогто-гайджи. В историческом памятнике «Истории Хо-Урлюка» отмечается, что в центре ойратского войска находились отряды хошеутов, на левом фланге – джунгар, или олэтов, на правом фланге – торгоуты. В резерве ойратского войска находились войска дербетов и хойтов (История Хо-Öрлөка, 2016: 33).

В результате победоносного похода Гуши-хан стал единоличным правителем Кукунора, где возникло Хошутское ханство.

В 1638 г. Гуши-хан и несколько его людей отправились в Центральный Тибет под видом паломников. Они получили аудиенцию у Далай-ламы V. Между монголами и тибетцами произошел обмен титулами (Санчилов, 1977: 22). Встреча имела далеко идущие исторические последствия. Как только Гуши-хан вернулся в область Кукунор, он начал готовить свой поход в юго-восточный Тибет против царя провинции Кхам Донье Дордже, который был практиком Бон, что делало его противником ойратов и монголов. В 1639 г. Гуши-хан с большим войском, пополненным за счет других ойратских улусов, вторгся в Кам и после года сражений завоевал эту часть Тибета («Дэбтэр-чжамцо», 1983: 63). В 1642 г. армия ойратов начала наступление на Цанг. Войска Цзана сравнительно быстро были разгромлены ойратами. К концу 1642 г. сопротивление было полностью подавлено (Шакабпа, 2003: 123).

Одержав победу, ойраты подчинили себе район Кукунора, Амдо и вступили в Центральный Тибет. Гуши-хан объявил Далай-ламу V главой Тибета, который был возведен на престол как король Тибета, и Гуши-хан предложил ему в подарок свои завоевания центрального и восточного Тибета. 1642 г. был решающим и стал поворотным моментом в тибетской истории, потому что впервые

Далай-лама, ранее просто духовный лидер одной из религиозных школ тибетского буддизма, стал главой целой страны.

Гуши-хан, не претендовавший на политическое лидерство в Центральном Тибете, сохранил за собой роль защитника нового правительства, всегда готового вмешаться со своей армией, если возникнет необходимость. По мнению Шакабпы, основой деятельности Гуши-хана было «религиозное рвение, дополнявшееся уважением к Далай-ламе и верой в него» (Шакабпа, 2003: 136).

При этом все основные школы тибетского буддизма продолжали существовать, а сам Далай-лама V получал учение у мастеров красношапочной школы Ньингма и был известным практиком учения Дзогчен, которое во многом связано с данной школой. Кроме того, Далай-лама V полностью взял на себя строительство крупнейшего монастыря школы Ньингма, получившего название Минлинг Ринпоче, а XVII в. стал периодом расцвета данной традиции в Тибете.

Все это позволяет говорить о политическом характере противостояний тибетских традиций. В этом смысле данные события ни в коем случае нельзя рассматривать как своеобразные «крестовые походы» или буддийский «джихад». Они скорее напоминали известные конфликты между католическими орденами за политическое влияние. В последующие столетия взаимоотношения между различными традициями тибетского буддизма были достаточно гармоничными, а духовные иерархи Гелуг – Далай-ламы и Панчен-ламы почитались представителями всех других традиций.

Что касается ойратов, выступавших на стороне школы Гелуг, то история ойратских государств показывает их терпимое отношение к другим религиям, в частности к исламу. Как отмечает Б.У. Китинов, в состав ойратских ханств входило значительное количество мусульман, а ислам здесь никогда не подвергался гонениям, так же как и другие небуддийские конфессии. При этом ойратские правители очень высоко ценили предприимчивость и образованность местного мусульманского населения и нередко поручали им ответственные задания в торговой и дипломатической сферах (Китинов, 2004: 128).

Религиозный аспект военной политики джунгар

Активную военную политику ойраты-джунгары вели при Галдан Бошокту-хане. Он знаменит тем, что долгие годы был монахом. С 1650 года учился в Тибете, с благословения Далай-ламы был объявлен хутухтой («святой», высший сан буддийского духовенства). В 1662 г. Далай-лама V отпустил Галдана быть духовным главой в Джунгарии при брате Сэнгэ. В 1671 г. он получил от Далай-ламы титул хана, против чего выступили другие претенденты на престол. После победы над оппозицией в 1677 г. он стал признанным лидером ойратской конфедерации; на следующий год получил от Далай-ламы титул Бошокту-хана («благословенный правитель») (Бичеев, 2016: 106). Вероятно, в это время у Галдана сформировался амбициозный план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы.

В 1688 г. Галдан с тридцатитысячным войском вторгся в Халху. Так началась ойрато-халхаская война. В качестве оправдания вторжения в Халху Галдан использовал религиозный фактор. В его письме китайскому императору Канси было сказано, что халхаские правители «попрали учение Далай-ламы и не оказали уважения» буддийскому иерарху (Мартьянов, 1978: 148).

Отдельные исследователи, опираясь на фольклорные источники, даже считают, что некоторые походы Галдана в Среднюю Азию имели характер «религиозных войн» (Ерофеева, 2010: 517). Однако в реальности его завоевания носили скорее политический характер и не имели целью обратить местных жителей в буддизм.

Длительные войны джунгаров с цинами и их союзниками-монголами закончились разгромом Джунгарского ханства в середине XVIII в. Интересно, что войну против Джунгарии, которая привела к ликвидации ханства и почти полному уничтожению его населения, маньчжурские власти Китая обосновывали якобы нарушениями джунгарами буддийских религиозно-нравственных принципов (Хафизова, 1995: 233). В целом цинские правители во взаимоотношениях с ойратами достаточно часто прибегали к религии, пытаясь выступать защитниками и хранителями «желтой веры» (подр.: Китинов, Цянь, 2019).

Еще раньше завершилась история Хошутского ханства в Кукуноре, которое находилось в тесном военно-политическом союзе с Тибетом. После изгнания в 1720 г. джунгаров из Тибета и Кукунора цинские власти предпочли вообще ликвидировать старую систему управления, расставив везде своих администраторов. Тогда князь Лхавсан Дацзинь, внук Гуши-хана, в 1723 г. поднял кукунорских хошуттов на восстание. Однако в 1724 г. оно было подавлено, а в 1725 г. маньчжуры окончательно включили территорию бывшего Хошутского ханства в состав империи (Шакабпа, 2003: 154).

5. Заключение

Монгольские народы играли значительную роль в истории тибетского буддизма, оказывая военное покровительство той или иной школе, и нередко выступали в качестве военной силы во внутриконфессиональных конфликтах в Тибете. В то же время данные военные столкновения между разными тибетскими школами преследовали главным образом политические цели и в этом смысле напоминали конфликты между католическими орденами за политическое влияние. Поэтому ни о каких буддийских «крестовых походах» или же религиозных войнах здесь говорить нельзя.

В период существования Монгольской империи монголы оказывали военно-политическое покровительство школе Сакья, что привело к установлению ее политического господства в Тибете. С конца XVI в. начинает формироваться союз монголов и ойратов со школой Гелуг. Благодаря военно-политической поддержке ойратов в середине XVII в. политическая власть в Тибете переходит в руки Гелуг, что приводит к установлению здесь теократии. В последующий период ойраты продолжали активно влиять на политическую жизнь Тибета. В период правления Галдан Бошпуктухана даже возник план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы, который, однако, не был реализован в силу ряда обстоятельств. В целом можно отметить, что военно-политический фактор играл значительную роль в тибето-монгольских религиозных отношениях, а военное вмешательство монголов и ойратов оказало значительное влияние на религиозную историю Тибета.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения», <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>).

Литература

Бакаева, 2016 – Бакаева Э.П. Ойраты и Тибет в XVII–XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хомутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // *Oriental Studies*. 2016. № 9(5). С. 3-14.

Беспрозванных, 2001 – Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ун-та, 2001. 356 с.

Бичеев, 2016 – Бичеев Б.А. Молитва покаяния Галдан-Бошпуктухана // *Полевые исследования*. 2016. № 3. С. 104-112.

Бобрин, 1914 – Бобрин П.А. Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта: (Поездка в Монголию в 1913 г.). Владивосток: Типоцинография газ. «Далекая окраина», 1914. 70 с.

Бобров, Худяков, 2006 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Монгольские влияния на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени (XIII–XVIII века) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология»*. 2006. № 3–2. С. 188-234.

Ерофеева, 2010 – Ерофеева И.В. История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677–1771 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э Масанова. Алматы: «Print-s», 2010. С. 490-530.

Закон Хутуктай-Сэчена, 2003 – Закон Хутуктай-Сэчена // Дугаров Р.Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2003. С. 40.

Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука – Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 332 с.

История Хо-Өрлөка, 2016 – История Хо-Өрлөка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: Сборник / Сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В.П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29-35.

Китинов, 2004 – Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная Степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.

Китинов, 2013 – Китинов Б.У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) // Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры: Коллективная монография. М.: Алмазный путь, 2013. С. 45-54.

Китинов, Цянь, 2019 – Китинов Б.У., Цянь Л. Религия в ойратской политике династии Цин // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история»*. 2019. Т. 11. № 1. С. 44-55.

Крайнова, 2013 – Крайнова Л.Н. Влияние северного буддизма на политическую и социально-общественную жизнь Монголии в конце XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 10(36). Ч. 1. С. 96-100.

Кычанов, Мельниченко, 2005 – Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

Мартынов, 1978 – Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.

Пагсам-джонсан..., 1991 – Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / Пер. с тибетского. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.

Пурбуева, 1984 – Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-Тойона» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 112 с.

- Рерих, 1999** – Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. 368 с.
- Санчи́ров, 1977** – Санчи́ров В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 14-25.
- Сумба-Хамбо, 1972** – Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / Пер. с тиб., введ. и прим. Б.Д. Дандарона. М.: Наука, 1972. 166 с.
- Хантингтон, 2003** – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Хафизова, 1995** – Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XV–XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 288 с.
- Шакабпа, 2003** – Шакабпа, Цэпон В.Д. Тибет. Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Шоннупэл, 2001** – Шоннупэл, Гой-лоцава. Синяя летопись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / Пер. с тибетского Ю.Н. Рериха. Пер. с англ. О.В. Альбедилы и О.Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 768 с.
- Asian Influences..., 2020** – Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. Special Issue of the Revue d'Etudes Tibetaines, Vol.53. 2020. 367 p.
- Kepel, 1994** – Kepel G. Revenge of God: the Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. 215 p.
- Kwanten, 1972** – Kwanten L.H.M. Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972. 131 p.
- Ulanov et al., 2016** – Ulanov M.S., Badmaev V.N., Matsakova N.P. Buddhism and Legal Tradition in Mongolia // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1068-1076.
- «Дэбтэр-чжамцо», 1983** – «Дэбтэр-чжамцо» // Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука, 1983. С. 51-84.

References

- Asian Influences, 2020** – Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. Special Issue of the Revue d'Etudes Tibetaines, Vol.53. 2020. 367 p.
- Bakaeva, 2016** – Bakaeva, E.P. (2016). Ojraty i Tibeta v XVII-XVIII vv.: ob osveshhenii nekotoryh sobytij, svjazannyh s homutami i dzhungarami, v tibetskoj i rossijskoj istoriografii [Oirats and Tibet in the 17th-18th centuries: on the coverage of some events associated with the collars and Dzungars in Tibetan and Russian historiography]. *Oriental Studies*. 9(5): 3-14. [in Russian]
- Besprozvannyh, 2001** – Besprozvannyh, E.L. (2001). Lidery Tibeta i ih rol' v tibetsko-kitajskih otnoshenijah XVII-XVIII vv. [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the 17th-18th centuries]. Volgograd: Izd-vo Volgogradsk. un-ta, 356 p. [in Russian]
- Bicheev, 2016** – Bicheev, B.A. (2016). Molitva pokajanija Galdan-Boshoktu-hana [Prayer of Repentance of Galdan Boshoktu Khan]. *Polevyje issledovanija*. 3: 104-112. [in Russian]
- Bobrik, 1914** – Bobrik, P.A. (1914). Mongolia: an essay on commercial, industrial and administrative life: (A trip to Mongolia in 1913) [Mongolija: ocherk torgovo-promyshlennogo i administrativnogo byta: (Poezdka v Mongoliju v 1913 g.)]. Vladivostok: Tipo-cinkografija gaz. «Dalekaja okraina», 70 p. [in Russian]
- Bobrov, Hudjakov, 2006** – Bobrov, L.A., Hudjakov, Ju.S. (2006). Mongol'skie vlijanija na voennoe delo tibetcev v pozdnem Srednevekov'e i nachale Novogo vremeni (XIII-XVIII veka) [Mongolian influences on the military affairs of the Tibetans in the late Middle Ages and the beginning of the New Age (XIII-XVIII centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*. 3-2: 188-234. [in Russian]
- «Djebtjer-chzhamco», 1983** – «Djebtjer-chzhamco». Dugarov R.N. «Djebtjer-chzhamco» – istochnik po istorii mongolov Kuku-nora [«Debter-chjamtso» – a source on the history of the Mongols Kuku-nor]. Novosibirsk: Nauka, 1983. Pp. 51-84. [in Russian]
- Erofeeva, 2010** – Erofeeva, I.V. (2010). Istorija formirovanija kul'tovogo kompleksa Tamgalytas (1677–1771 gg.) [The history of the formation of the cult complex Tamgalytas (1677–1771)]. Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledija Kazahstana. Nauchnye chtenija pamjati N.E. Masanova. Almaty: «Prints», pp. 490-530. [in Russian]
- Hafizova, 1995** – Hafizova, K.Sh. (1995). Kitajskaja diplomatija v Central'noj Azii (XV–XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (XV–XIX centuries)]. Almaty: Gylym, 288 p. [in Russian]
- Hantington, 2003** – Hantington, S. (2003). Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 603 p. [in Russian]
- Istorija Ho-Örlöka, 2016** – Istorija Ho-Örlöka [History of Ho-Örlök]. Pis'mennye pamjatniki po istorii ojratov XVII–XVIII vekov: sbornik. Elista: KIGI RAN, 2016. Pp. 29-35.
- Kepel, 1994** – Kepel, G. (1994). Revenge of God: the Resurgence of Islam, Christianity, and Judaism in the Modern World. University Park: Pennsylvania State University Press, 215 p.
- Kitinov, 2004** – Kitinov, B.U. (2004). Svjashhennyj Tibet i voinstvennaja Step': buddizm u ojratov (XIII - XVII vv.) [Sacred Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism among the Oirats (XIII-XVII centuries)]. М.: Т-во nauchnyh izdanij KMK, 190 p. [in Russian]

Kitinov, 2013 – *Kitinov, B.U.* (2013). Vojna v buddijskoj tradicii (na primere istorii buddizma u ojratorov) [War in the Buddhist tradition (on the example of the history of Buddhism among the Oirats)]. *Buddizm Vadzhrany v Rossii: Istoricheskij diskurs i sopredel'nye kul'tury*. M.: Almaznyj put'. Pp. 45-54. [in Russian]

Kitinov, Cjan' 2019 – *Kitinov, B.U., Cjan', L.* (2019). Religija v ojratskoj politike dinastii Cin [Religion in the Oirat politics of the Qing Dynasty]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Vseobshhaja istorija*. 11(1): 44-55. [in Russian]

Krainova, 2013 – *Krainova, L.N.* (2013). The Influence of Northern Buddhism on the Political and Social Life of Mongolia in the late 19th – early 20th centuries [Vlijanie severnogo buddizma na politicheskiju i social'no-obshhestvennuju zhizn' Mongolii v konce XIX – nachale XX v.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(36). Part 1: 96-100. [in Russian]

Kwanten, 1972 – *Kwanten, L.H.M.* (1972). Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368. PhD diss. University of South Carolina Press, 131 p.

Kychanov, Mel'nichenko, 2005 – *Kychanov, E.I., Mel'nichenko, B.N.* (2005). Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei [History of Tibet from ancient times to the present day]. M.: Vost. lit., 351 p. [in Russian]

Martynov, 1978 – *Martynov, A.S.* (1978). Status Tibeta v XVII – XVIII vekah v tradicionnoj kitajskoj sisteme politicheskikh predstavlenij [The status of Tibet in the 17th – 18th centuries in the traditional Chinese system of political ideas]. M.: Nauka, 282 p. [in Russian]

Pagsam-dzhonsan..., 1991 – Pagsam-dzhonsan: Istorija i hronologija Tibeta [Pagsam-jonsan: History and chronology of Tibet]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991. 264 p. [in Russian]

Purbueva, 1984 – *Purbueva, Ts.P.* (1984). «Biography of Neiji-Toyon» - a source on the history of Buddhism in Mongolia [«Biografija Nejdzhi-Tojona» – istochnik po istorii buddizma v Mongolii]. Novosibirsk: Nauka, 112 p. [in Russian]

Rerih, 1999 – *Rerih, Ju.N.* (1999). Tibet i Central'naja Azija: Stat'i, lekcii, perevody [Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations]. Samara, Izdatel'skij dom «Agni», 368 p. [in Russian]

Sanchirov, 1977 – *Sanchirov, V.P.* (1977). Teokratija v Tibete i rol' Gushi-hana v ee okonchatel'nom utverzhenii [Theocracy in Tibet and the role of Gushi Khan in its final approval]. Lamaizm v Kalmykii. Elista: KNIIYaLI. Pp. 14-25. [in Russian]

Shakabpa, 2003 – *Shakabpa, Cjepon V.D.* (2003). Tibet. Politicheskaja istorija [Tibet. Political history.]. SPb: Nartang, 428 p. [in Russian]

Shonnupjel, 2001 – *Shonnupjel, Goj-locava* (2001). Sinjaja letopis'. Deb-ther sNgon-po. Istorija buddizma v Tibete, VI-XV vv. [Blue chronicle. Deb-ther sNgon-po. History of Buddhism in Tibet, VI-XV centuries]. SPb.: Evrazija, 768 p. [in Russian]

Sumba-Hambo, 1972 – *Sumba-Hambo* (1972). Istorija Kukunora, nazyvaemaja «Prekrasnye noty iz pesni Brahmy» [The story of Kokunor, called «eautiful notes from the song of Brahma»]. M.: Nauka, 166 p. [in Russian]

Ulanov et al., 2016 – *Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Matsakova, N.P.* (2016). Buddhism and Legal Tradition in Mongolia. *Bylye Gody*. 42(4): 1068-1076.

Zakon Hutuktaj-Sjechena..., 2003 – *Zakon Hutuktaj-Sjechena* [Khutuktai-Sechen law]. Dugarov R.N. Ocherki srednevekovoj istorii Kukunora (Ojrat-mongol'skaja civilizacija IV–XIX vv.). Ulan-Udje: Burjatskoe knizhnoe izd-vo. P.40. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin, I.Ja.* (1983). Istorija Dzhungarskogo hanstva. 1635-1758 [History of the Dzungar Khanate. 1635–1758]. 2-e izd. M.: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 332 p. [in Russian]

Монгольский военно-политический фактор в истории буддизма в Тибете

Мерген Санджиевич Уланов^{a, *}, Валерий Николаевич Бадмаев^a, Арья Александровна Андреева^a

^a Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли монгольского военно-политического фактора в истории буддизма в Тибете. Монгольские народы играли значительную роль в истории тибетского буддизма, оказывая военное покровительство той или иной школе, и нередко выступали в качестве военной силы во внутррелигиозных конфликтах в Тибете. В период существования Монгольской империи монголы оказывали военно-политическое покровительство школе Сакья, что привело к установлению ее политического господства в Тибете. С конца XVI в. начинает формироваться союз

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmav07@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), lovely-arya@mail.ru (А.А. Андреева)

монголов и ойратов со школой Гелуг. Благодаря военно-политической поддержке ойратов в середине XVII в. политическая власть в Тибете переходит в руки Гелуг, что привело к установлению здесь теократии. В то же время данные военные столкновения между разными тибетскими школами преследовали не столько религиозные, сколько политические цели и в этом смысле напоминали конфликты между католическими орденами за политическое влияние. В последующий период ойраты продолжали активно влиять на политическую жизнь Тибета. В период правления Галдан Бошпкту-хана даже возник план по созданию единого государства ойратов и монголов под духовным покровительством Далай-ламы, который, однако, не был реализован в силу ряда обстоятельств. В целом можно отметить, что военно-политический фактор играл значительную роль в тибето-монгольских религиозных отношениях, а военное вмешательство монголов и ойратов оказало значительное влияние на религиозную историю Тибета.

Ключевые слова: буддизм, военная история, монгольские народы, монголы, ойраты, Монголия, Тибет, тибетский буддизм, Гелуг.